

совершенно правъ, когда находилъ необходимымъ собраніе древнихъ «лже-басней» (!), изслѣдованіе о смутныхъ временахъ, или упоминаніе о пушкарѣ Воротилкѣ, хотя бы поступки этого Воротилки и были худы, и т. д. Воспитанный въ нѣмецкой школѣ, Миллеръ выносилъ изъ нея строгое представленіе о научной и нравственной обязанности историка и, конечно, старался быть вѣрнымъ этой обязанности; если самъ Ломоносовъ не понималъ его, это указываетъ только, что общество еще не понимало научной критики, не умѣло правильно ставить свои требованія національнаго достоинства, не умѣло, напр., понять, что это достоинство вовсе не увеличивается скрываніемъ непріятныхъ историческихъ фактовъ или стремленіемъ ихъ закрашивать. Тогдашнія обвиненія этого рода намъ представляются уже мелочными и несправедливыми; но самый недостатокъ сохраняется и до сихъ поръ: напомнимъ, какъ еще недавно одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ русскихъ писателей страннымъ образомъ подновлялъ эту войну противъ нѣмцевъ-историковъ, а другой скорбѣлъ, что «русскому человѣку» не легко быть объективнымъ — относительно Шлецера (!); да и много можно было бы привести жалкихъ примѣровъ, даже въ кругу специальныхъ вопросовъ и между русскими специальными учеными...

Вліяніе Миллера имѣло вѣроятно свою долю и въ характерѣ тѣхъ ученыхъ путешествій, о которыхъ мы прежде рассказывали. Въ нихъ не послѣднее мѣсто занимаютъ интересы историческіе. Ученые странствователи, хотя по профессіи натуралисты, не пропускали исторической мѣстности безъ того, чтобы не собрать о ней мѣстныхъ преданій, книжныхъ свѣдѣній, чтобы не отмѣтить сохранившихся памятниковъ и т. п. Лепехинъ въ своихъ запискахъ помѣщаетъ подробный рассказъ о Пловучемъ озерѣ и мѣстныя легенды объ убіеніи Андрея Боголюбскаго; заѣхавъ на Волгу, онъ осматриваетъ Царевъ-Курганъ, сооруженіе котораго «приписывалось» грабителю и праотцу донского войска, Стенькѣ Разину; дѣлаетъ раскопки, находитъ подъ нѣкоторымъ слоемъ земли кости слона и остатки оружія и дѣлаетъ при этомъ свои оригинальныя соображенія ¹⁾; помѣщаетъ подробное описаніе развалинъ болгаръ, говоритъ о старыхъ преданіяхъ у инородцевъ и т. д. Этнографическія описанія инородцевъ: мордвы, чувашъ, татаръ, калмыковъ, «кизиль-башей» у Лепехина и другихъ тогдашнихъ ученыхъ путешественниковъ давали едва ли не въ первый разъ точное понятіе объ этихъ племенахъ, мало

¹⁾ Дневныя Записки, I, 296 и слѣд.